

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9

Оригинальная статья

Шаповалова И. С.

**Матримониальные диспозиции молодежи
как объект социологического анализа**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Преображенская, 78, Белгород, 308000, Россия
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Матримониальные диспозиции молодежи становятся основой прогноза демографических показателей, и их позитивная динамика дают возможность говорить о реализации задач национальной демографической политики. Контроль динамики матримониальных установок и диспозиций молодежи через систему мониторингов позволил бы установить тренды и тенденции, определить ключевые факторы их формирования и спрогнозировать их трансформацию в результаты матримониальных решений и поведения, определить их последствие для национальной политики. Целью статьи становится анализ эмпирического опыта изучения матримониальных диспозиций молодежи и определение динамических тенденций в их формировании. В статье представлены результаты эмпирического опыта исследований матримониальных диспозиций молодежи на территории России (2015-2023 годы), и также данные исследования матримониальных стратегий молодежи (2023 год, N=5881), проведенного в Белгородской области. Данные исследования показывают волновую динамику в показателях матримониальных диспозиций, что может быть обусловлено сменой поколений в исследованиях, а также акцентами национальной политики, влияющими на социализационные условия молодежи. Обозначены риски, связанные с выявленным в последних исследованиях гендерным рассогласованием в отношении матримониальных стратегий (в том числе относительно репродуктивного поведения), а также повышенным показателем приверженности молодежи альтернативным матримониальным идеологиям безбрачия и чайлдфри.

Ключевые слова: молодежь; матримониальные стратегии, матримониальные диспозиции, семейные ценности

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Информация для цитирования: Шаповалова И. С. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 167-191. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9

Inna S. Shapovalova

Matrimonial dispositions of youth as an object of sociological analysis

Belgorod State National Research University
78, Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. Matrimonial dispositions of young people become the basis for forecasting demographic indicators, and their positive dynamics make it possible to talk about the implementation of the objectives of national demographic policy. Control over the dynamics of matrimonial attitudes and dispositions of young people through a monitoring system would allow us to establish trends and tendencies, identify key factors in their formation and predict their transformation into the results of matrimonial decisions and behavior, and determine their consequences for national policies. The purpose of the article is to analyze the empirical experience of studying matrimonial dispositions of young people and to determine the dynamic trends in their formation. The article presents the results of empirical experience in research on matrimonial dispositions of young people in Russia (2015-2023), as well as data from a study of matrimonial strategies of young people (2023, N = 5881), conducted in the Belgorod region. These studies show wave dynamics in the indicators of matrimonial dispositions, which may be due to a change in generations in research, as well as emphases of national policies that affect the socialization conditions of young people. The risks associated with the gender discrepancy in relation to matrimonial strategies (including reproductive behavior) identified in recent studies, as well as the increased rate of commitment among young people to alternative matrimonial ideologies of celibacy and childfree are outlined.

Keywords: youth; matrimonial strategies, matrimonial dispositions, family values

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».

Information for citation: Shapovalova, I. S. (2024), “Matrimonial dispositions of youth as an object of sociological analysis”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 167-191. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9

Введение (Introduction).

Национальные проекты и задачи развития, связанные с демографическим ростом, формированием традиционных семейных ценностей и развитием семьи, как основы стабильного государства, качества и социальной значимости жизни граждан, привлекают внимание к теме социальных установок и диспозиций в данной сфере. Особое место в этом вопросе занимают матримониальные установки и диспозиции молодежи как основной группы, формирующий будущий человеческий

национальный капитал, включаемой во все направления социально-экономического воспроизводства.

Особую важность изучения данных показателей приобретает в связи с возможностью определения прогнозных результатов – потенциалов и рисков развития ситуации исходя из планируемых направлений матримониальных стратегий молодежи – так, если изучение матримониальных диспозиций и результатов их реализации у граждан, ставит нас перед свершившимся фактом,

отраженном в демографических показателях, то диагностика данных позиций для молодежи определяет перспективу действий и решений по развитию потенциальных (социально-значимых) устремлений и нивелирование возможных рискованных полей посредством существующих систем воздействия (законотворческих инициатив, воздействия социальных институтов, формирования единых требований к воспитательному и образовательному процессу и многое другое).

Семья (традиционная, крепкая, счастливая) как национальная идея задает определенные требования к прогнозу как качественных, так и количественных показателей матримониальной сферы. Чем точнее окажется прогноз, тем выше вероятность предложения эффективного превентивного воздействия на рискованные компоненты. Так, рассматриваемые предложения и принятые решения о контроле пропаганды чайлдфри, основываясь на исключении неэффективных матримониальных идеологий из спектра возможных решений молодежи, на самом деле могли бы иметь под собой научное обоснование, связанное с действительным ростом приверженности молодежи к такого рода альтернативам (что, в том числе, отражено в исследованиях коллектива Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета (Благорожева, Шаповалова, 2024).

Контроль динамики матримониальных установок и диспозиций молодежи через систему мониторингов, позволил бы установить тренды и тенденции, определить ключевые факторы их формирования и спрогнозировать их трансформацию в результаты матримониальных решений и поведения, определить их последствие для национальных политики.

Таким образом, целью статьи становится анализ эмпирического опыта изучения матримониальных диспозиций молодежи и определение динамических тенденций в их формировании.

Методология и методы исследования (Methodology and Methods). Если понимать под матримониальными диспозициями молодежи установки, ценности, мотивы и планы в матримониальной сфере, то спектр возможных научных интересов в данной области связан, прежде всего, с восприятием института семьи в целом, с брачным определением, с выбором брачной формы и репродуктивным поведением.

Для возможности установления динамики в данных показателях, мы попробуем опереться на исследования матримониальных диспозиций разных годов и разных научных коллективов, чтобы исключить привязанность к одной территории и влиянию ее социально-культурного и социализационного пространства на формирование матримониальных диспозиций молодежи.

Так, для рассмотрения установок по отношению к семье и ее ценностей будут использованы (помимо официальной статистики и данных федеральных опросных центров) результаты исследований коллектива Е. Н. Касаркиной, проведенных в 2018 году и посвященных изучению готовности молодежи к браку (Касаркина, Соловьева, Бистяйкина, 2018); в рассмотрении трансформации роли и ценности семьи во временном хронотопе будут представлены исследования Т. А. Гурко (Гурко, 2015), Д. В. Зерновой (Зернова, 2015), Г. Кислова (Кислов, 2016) Д.А. Тихомирова (Тихомиров, 2018).

Рассмотрение смены парадигмы при выборе брачного партнера и брачной формы будет представлено на примере исследований Д. А. Шингаркиной, В. Р. Тлемешок и Н. Ф. Диановой (Шингаркина, 2012; Тлемешок, Дианова,

2015), Н. Л. Антоновой и М. В. Щербаковой (Антонова, Щербакова, 2017), Д.А. Тихомирова (Тихомиров, 2018), Ю. С. Галынской и В. В. Звягинцева (Галынская, Звягинцев, 2020), С. А. Ильиных (Ильиных, 2022), З. Х. Коблевой, И. А. Каратабан, Н. К. Губжоковой (Коблева, Каратабан, Губжокова, 2022).

Проблема эффективности семьи, анализа отношения развода и факторов, его провоцирующих, представлена в динамике публикаций авторских коллективов и ученых Н. Н. Саяшиной и А. А. Тюкиной (Саяшина, Тюкина, 2013), Н. Ф. Диановой и В. Р. Тлемешок (Дианова, Тлемешок, 2015), Е. В. Каргаполовой и И. В. Лашук (Каргаполова, Лашук, 2017), Т. И. Куликовой, (Куликова, 2018), Е. В. Романовой и Н. А. Хвалиной, (Романова, Хвалина, 2019), А. Ю. Маленовой и Д. Н. Стойко (Маленова, Стойко, 2019), С. В. Гузениной и И. С. Кулаковой (Гузенина, Кулакова, 2020).

Репродуктивные установки, диспозиции и планы молодежи, которые также претерпевают свои изменения в условиях трансформации современной реальности, представлены через

исследования Т. К. Ростовской и Н. С. Рычихиной (Ростовская, Рычихина, 2024), О. Н. Калачикова и А. В. Короленко (Калачикова, Короленко, 2017), Д. А. Тихомирова, (Тихомиров, 2018), Т. А. Гурко (Гурко, 2019), О. В. Устиновой (Устинова, 2022), С. Н. Немгировой (Немгурова, 2023).

Как итоговая точка динамики матримониальных диспозиций и как сравнительный элемент анализа, в статье будут представлены данные мониторинга «Социальные стратегии молодежи», который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2023 года, респондентами онлайн опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5881 человека, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (Таблица 1).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Table 1

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
14-15	992	16,9
16-17	1137	19,3
18-21	2418	41,1
22-25	621	10,6
26-30	363	6,2
31-35	350	6,0
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	2377	40,4
женский / female	3504	59,6

Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Средний город – областной центр / Medium-sized city – regional center	2643	44,9
Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	1472	25,0
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1766	30,0
Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Обучаются в школе, гимназии, колледже, училище / They study at school, gymnasium, college, vocational school	2374	40,4
Обучаются в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	2350	40,0
Работают / They are working	1127	19,2
Окончили учебное заведение, но временно не работают / Graduated from an educational institution, but are temporarily unemployed	30	0,5
Итого ответивших / Total number of respondents	5881	100,0

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Первым и важнейшим аспектом социологического анализа матримониальных диспозиций молодежи является вопрос *формирования матримониальных установок, ценностей, мотивов*, которое происходит под влиянием *институтов социализации, социализационных факторов*, складывающихся в *ситуацию социализации*.

Социализационные факторы, влияющие на формирование матримониального ценностно-мотивационного комплекса молодежи, могут быть рассмотрены с позиции уровня их продуцирования и разделены на *макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы*.

Макрофакторы охватывают широкий спектр глобальных факторов, которые влияют на социализацию на уровне целых государств, культур и даже всего мирового сообщества. К ним относятся наука, культура и искусство, политика. В широком смысле, можно отнести к макрофакторам и исторический хронотоп, который формирует общепринятый контур матримониальных установок, матрицу восприятия матримониальных отношений и желаемый вариант матримониальных стратегий, и, одновременно создает

вариант контроля данных ориентиров (более или менее жесткий). Так, однозначно можно видеть трансформацию матримониальных идеологий в историческом аспекте, проследив их от античного периода до нашего времени (Агажанова, Ефимова, 2015).

Влияние исторического хронотопа можно наблюдать и на примере трансформации русской парадигмы матримониальных стратегий. Осознание кризиса семейных отношений и ценностей, отражающихся в неутешительной демографической статистике, а также на прогнозе, связанном с падением демографических показателей, заставляет вносить изменения в национальные смыслы и ориентиры желаемых матримониальных стратегий молодежи. «Российская семья начинает ориентироваться на западные ценности: ценности индивидуализма (собственного «я»), жизни для себя, что составляет отличительную черту западного стиля жизни... Отсутствие четко заданного идеала семейного взаимодействия, ломка традиционных стереотипов семейной жизни приводят к потере авторитета семьи, что в свою очередь приводит к дезориентации в личностном пространстве. Это находит свое выражение в появлении различных форм дезадаптаций: в

сексуальных, невротических реакциях, агрессивности, алкоголизме, наркомании, потере смысла жизни и др.»¹. Все эти обозначенные негативные тенденции призвана решить новая национальная семейная парадигма. Смена ценностной парадигмы нашего государства, возведение семейных ценностей в разряд национальных ориентиров, безусловно трансформирует все стороны национальной политики (от демографической и молодежной, до политики образования и воспитания), что уже в среднесрочном периоде приведет к изменению в формировании матримониальных установок и ценностей среди молодежи.

Мезофакторы связаны с этнической и культурной принадлежностью, а также географическим положением места проживания молодого человека. Эти факторы варьируются в зависимости от культурных особенностей народов и регионов. Они характеризуют условия социализации на конкретной территории, в том числе с учетом специфики поселения (городское (большой, средний, малый город) или сельское (поселок городского типа, село, деревня, хутор) поселение). Данные факторы находят отражение в социологических исследованиях особенностей формирования матримониального ценностно-мотивационного и поведенческого комплекса матримониальных стратегий молодежи разных этносов и территорий (Гафизова, Цалко, 2023; Павлов, Пронина и др., 2020; Карцева, 2018; Касаркина, 2018; Сигарева, Сивоплясова, Муртузалиев, 2018).

Микрофакторы оказывают непосредственное влияние на индивида или малую группу людей. К ним относятся ситуация в семье, общение с

родственниками, учителями, сверстниками, референтными лицами, личный и чужой опыт в реализации матримониальных стратегий.

Институтами социализации, формирующими матримониальный ценностно-мотивационный комплекс для молодого человека, являются различные социальные группы, составляющие социальное окружение индивида и выступающие в качестве носителей социальных норм и ценностей. Среди наиболее значимых таких институтов следует назвать семью, образовательные и профессиональные учреждения, социальные группы и коллективы (формальные и референтные). Если говорить о первичной социализации, то можно исключить профессиональные учреждения, так как они оказывают влияние скорее на процессы коррекции и изменений матримониальных установок и ценностей молодежи.

Ведущим институтом социализации в плане формирования будущих матримониальных стратегий молодежи является семья. «Матримониальная (семейная) социализация детей – непреложный атрибут процесса воспроизводства института семьи» (Павлов, Пронина и др., 2020). «Теория и опыт семейного воспитания позволяют выделить ведущие направления, связанные с ценностными устоями, с помощью которых конкретная семья формирует у ребенка представления и знания о родословной и семейных традициях, положительном опыте воспитания» (Агаджанова. Ефимов, 2015). Также родительская семья юношей и девушек выступает эталоном распределения ролей между мужем и женой, формируется содержание понятия семейного главенства, которое связано с осуществлением

¹ Морозова Е.А., Сорокина Т.Ю. Традиционная семья и ее взаимосвязь с брачно-семейными установками и личностными качествами молодежи (г. Самара) // Межвузовская Ассоциация «Покров». URL:

http://www.pokrovforum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2008-2009/txt/28_morozovatorokina.php. (дата обращения: 09.12.2024).

управляющих, распорядительных функций: общим руководством семейными делами, принятием ответственных решений, регулированием внутрисемейных отношений, выбором метода воспитания детей и т. д. Одним из доказательств влияния института семьи становятся данные статистики выборочного наблюдения Росстата относительно планируемого количества детей в зависимости от количества детей у матерей респондентов (Таблица 2). По

представленным данным видно, как в арифметический прогрессии возрастает среднее число желаемых и ожидаемых детей и у мужчин, и у женщин. Родительская семья своим примером формирует определенные репродуктивные установки и семейные ценности, и вероятность большего количества детей возрастает с наличием положительного опыта таких решений в семье респондентов.

Таблица 2
Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от числа детей, рожденных матерью респондента²

Table 2

Average desired and expected number of children depending on the number of children born to the respondent's mother

Число детей, рожденных матерью респондента / Number of children born to the respondent's mother	Женщины / Women		Мужчины / Men	
	Среднее желаемое число детей / Average desired number of children	Среднее ожидаемое число детей / Average expected number of children	Среднее желаемое число детей / Average desired number of children	Среднее ожидаемое число детей / Average expected number of children
1	1,73	1,54	1,70	1,52
2	2,03	1,84	1,99	1,79
3	2,25	2,01	2,22	2,00
4	2,57	2,33	2,52	2,24
5 и более / 5 or more	2,92	2,67	2,99	2,58

Важность семьи в формировании матримониального ценностно-мотивационного комплекса показывает и самооценка молодежью ее роли. Так, например, научный коллектив Е. Н. Касаркиной, Т. В. Соловьевой, Д. А. Бистяйкиной в результатах исследования «Готовность к браку и семейные ценности современной молодежи» отмечает, что наиболее приоритетным фактором, влияющим на формирование семейных ценностей молодежи, является родительская семья, которая транслирует опыт,

позиционирующийся как основной источник формирования взглядов молодежи о функциях, роли и предназначении семьи (Касаркина, Соловьева, Бистяйкина, 2018). Конечно, ближний круг и референтные лица также являются важными акторами социализации, но разрыв их значимости составляет более 20 пунктов (%) в единстве молодежного мнения (см. Рисунок). Интересно, что третьим институтом являются СМИ и интернет – их роль в формировании смыслов становится все более значимой для молодежи и отмечается

² Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022

году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 05.05.2024).

практически 40% респондентов, что значительно превышает значимость школы с ее культурным фундаментом, который транслируется через образ литературной семьи. И, если в «литературной семье» мы можем быть уверены, то трансляция матримониальных ценностей в интернет сообществах не всегда отвечает тем ориентирам, которые предпочтительны для

демографической и молодежной национальных политик – альтернативные матримониальные стратегии не только оформляются на просторах интернета в матримониальные концепции, но и дают возможность вступить в определенные сообщества, наладить коммуникацию и, возможно, тьютерство, для их оформления уже в жизненные планы и стратегии.

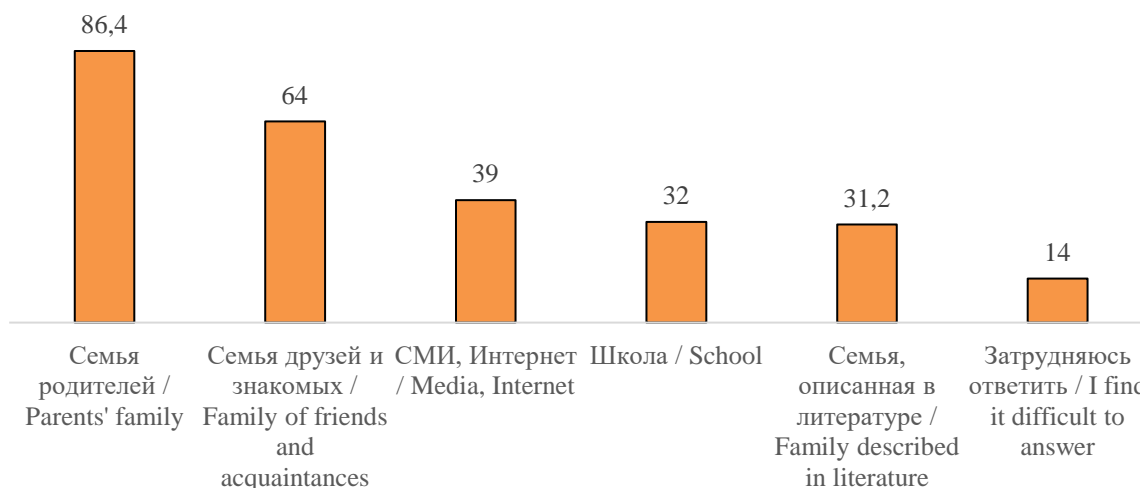

Рисунок. Источники формирования представлений о семье (Касаркина, Соловьева, Бистяйкина, 2018)

Figure. Sources of formation of ideas about the family (Kasarkina, Solovieva, Bistyaykina, 2018)

Система ценностей и установок в родительской семье влияет на все этапы в формировании и реализации матримониальных стратегий. Нельзя сказать, что это всегда прямое влияние (повторение ценностных систем родительской семьи), но ее воздействие имеет всегда однозначный формирующий эффект, даже если и с обратным содержательным значением (негативный опыт родительской семьи может формировать у молодого человека противоположные матримониальные ценности, установки и модели поведения, как избегание возможности прийти к нежелательному результату). И, так как многие ученые говорят о глубоком кризисе семейных форм жизни и кризисе экзистенциальных ценностей, как проявление дисфункции и аномальности в сфере семейных отношений, разрушение

семейных ценностей, разочарование молодежи в традиционных моделях семьи, может привести к трансформации нормативных (желательных) матримониальных стратегий в альтернативные, не всегда социально предпочитаемые формы.

Важным результатом воздействия институтов и факторов социализации является *ранг ценности семьи* в общем ценностном диапазоне молодежи. И здесь имеет смысл говорить не только о распределении очередности ценностей, но и о первенстве пространств самореализации молодежи (на каком месте в процессе самореализации стоит семья, например, по отношению к профессии, карьере, творчеству и т.д.), в факторах принятия решений относительно различных социальных стратегий (насколько сильно интересы семьи влияют

на принятие таких решений), насколько обязательным являются жизненные матримониальные планы по отношению к другим аспектам жизненного планирования и т.д.

В исследовательской социологической практике относительно роли семьи в иерархии ценностей молодежи встречаются разные эмпирические результаты. Некоторые научные работы по проблемам молодежи отмечают доминирующее место семейных ценностей в структуре жизненных стратегий молодого поколения (Гурко, 2015). Но есть исследования, в которых дается отрицательная оценка значимости ценностей семьи и брака для молодежи, отмечается деинституализация семейных ценностей в современной России, а также искаженное представление у значительной части молодежи представлений о семье и браке, на первое место ставится карьера, удовлетворение сексуальных потребностей (Зернова, 2015).

Такой дисбаланс результатов, связан как с годом проведения исследований, так и с локацией их проведения. Так, спустя некоторое время после указанных исследований, результаты эмпирического замера А. Г. Кислова (Кислов, 2016) показали, что семейные ценности занимают одно из центральных мест в структуре ценностных ориентаций молодежи: большинство респондентов планируют создать семью и родить детей. Аналогичные выводы сделал и Д.А. Тихомиров (Тихомиров, 2018): результаты его исследования показали также, что 75,0% юношей и девушек также намерены создать семью и только 11,0% высказали противоположное мнение.

Динамичность в этом вопросе, связанную с социальной ситуацией, генерационными характеристиками и социальной спецификой территории, подтверждают исследования научного коллектива Белгородской области. В своих исследованиях мы отмечаем, например, что для Белгородской области первенство

ценности семьи не является очевидным – превалирование трудовых и карьерных устремлений молодежи выводят семью на второе место в этом ранге, в разрезе не только рейтинга ценностей, но и в отношении самореализации молодежи – такую ситуацию мы наблюдали в 2018-2020 годах. Но, смена генерационного профиля в исследовании, изменение молодежной политики региона, приводят к тому, что ценность семьи становится все более важной для молодежи Z, снижается разрыв между важностью счастливой семьи, профессиональными и карьерными амбициями. Так, разрыв между важностью самореализации в семье и в карьере в 2023 году составил уже буквально 2% в пользу карьеры и профессии, а в 2024 году (последняя волна мониторинга закончена в ноябре 2024 года) – 1%, но уже в пользу семьи.

Выбор брачного партнера является одним из первоначальных матримониальных актов, обуславливающих реализацию матримониальных отношений в паре. Независимо от культурных факторов и даже культуры матримониальных стратегий на макроуровне (на основе этноса, государства, строя), формирование образа идеального партнера, его черт, является обязательным этапом в реализации матримониальных стратегий молодежи. Конечно, превалирующие черты данного образа, в своей статистической глобальности, отражают историческое время. На каждом этапе современности существуют исследования, посвященные этому вопросу.

Важным показателем для матримониальных стратегий являются представления о *качествах партнера* молодых людей. В современной действительности очевидный трендовый характер имеет рационализация брачно-семейных отношений в среде молодежи, ориентированность на статусные достижения, финансовую независимость. Так, если в исследованиях 2012-2015 года

(например, исследования Д. А. Шингаркиной, В. Р. Тлемешок и Н. Ф. Диановой (Шингаркина, 2012; Тлемешок, Дианова, 2015)), по мнению молодых людей, наиболее важными качествами партнера являются понимание, доброта, ответственность, заботливость, верность, понимание и честность (конечно, мужественность для мужчин и женственность для женщин), то в последующих исследованиях по этому вопросу появляются новые смыслы, определяющие приоритеты в выборе партнеров. Так, в проведенном исследовании Н. Л. Антоновой и М. В. Щербаковой (Антонова, Щербакова, 2017) среди молодежи, состоящей и не состоящей в браке посредством метода глубинного интервью (N=30) на предмет их представлений о качествах брачного партнера и факторах его выбора, результаты свидетельствуют уже о вполне прагматическом характере как выбора спутника жизни, так и брачных отношений. Молодые люди хотят видеть рядом с собой партнера с высоким социальным статусом и потенциалом. В планомерном движении смены генерационной парадигмы в выборке, мы фиксируем возврат к «исходным параметрам» – для поколения Z снова на передний план выходят доброта, любовь, честность, немаловажными становятся уважительное и заботливое отношение к партнеру и ум (отражено в исследованиях Центра в 2023 и 2024 годах на молодежи Белгородской области). Такая волновая динамика, отражающая в том числе специфические социальные черты поколения, позволяет нам сделать вывод о возможно более эффективных семейных коммуникациях молодежи и, как следствие, снижение в последующем количества разводов – а в глобальном смысле выход на миссию национальной идеи – стабильную, крепкую и счастливую семью.

Выбор брачной формы взаимоотношений обусловлен и матримониальными установками молодежи, и сложной комбинацией факторов, формирующих социальную ситуацию выбора: здесь играют роль не только модели матримониального поведения, но и матримониальный опыт молодых людей, совпадение жизненных матримониальных стратегий в партнерских отношениях, а также влияние объективных ограничивающих и способствующих факторов, для реализации желаемых матримониальных стратегий.

В современной российской действительности ценность семьи и брака по-прежнему высока. Результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в 2022 году, показывают, что 71,0% россиян предпочитают вступить в брак и жить в семье, 10,0% отдают предпочтение незарегистрированному браку, 5,0% вовсе не намерены вступать в брак, а 2,0% считают для себя приемлемым одиночество³. Но наряду с этим появляется мозаичный тип семейного сознания, в котором в тесном переплетении находятся прагматические и гедонистические устремления, касающиеся семейных отношений, и это может влиять на выбор формы матримониальных отношений с партнером.

Альтернативной моделью брака, получившей популярность среди молодежи, является такая форма матримониального поведения, как сожитительство. Брачно-семейные отношения молодежи с одной стороны связаны с их стремлением найти стабильность в обществе и создать традиционную семью, а с другой стороны отсутствие этой самой стабильности в современном социуме вынуждает их прибегать к такой форме брака, которая, как правило, весьма недолговечна и не

³ Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели URL: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie)

obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli (дата обращения: 09.05.2024).

решает проблему семейной определенности и закрепления в семейном статусе. Сожительство, таким образом, является определенной подготовкой молодежи к вступлению в брак, экспериментальной формой приобретения некоторых компетенций, необходимых в браке, и, одновременно – усиливают эффект отложенного брака, снижая вероятность вступление в полноценные брачные отношения. Соответственно, добрачные сексуальные отношения могут быть как функциональными, так и дисфункциональными.

При этом в незарегистрированных союзах молодых людей наблюдается низкий уровень стабильности и достаточно высокий уровень разногласий, являющихся существенными барьерами для формирования ориентации на рождаемость детей. Такая форма матримониальных отношений в случае рождения детей увеличивает их «ненужность», отказ одного из партнера, как правило, мужчины в воспитании ребенка чаще всего, формируют у молодежи негативные установки на рождение детей.

Считаем необходимым также отметить, что рост так называемых «гражданских браков» актуализирует угрозу социальной безопасности, так как ограничивает репродуктивные возможности семьи, что усугубляет нарастающий демографический спад.

Существует определенная динамика в восприятии молодежью незарегистрированных браков. Так, в исследовании Н. Ф. Диановой и В. Р. Тлемешок, проведенном в 2015 году, 55,0% молодых людей указали, что незарегистрированный брак для них – неприемлемая форма брака, 30,0% отнеслась нейтрально, а 15,0% – положительно либо уже состоят в таком браке (Тлемешок, Дианова, 2015). Результаты исследования Д. А. Тихомирова в 2017 году показывают, что уже 72,0% респондентов положительно относятся к сожительству, в то время, как

лишь 19,0% – отрицательно, причем такую позицию выражают, как юноши (83,0%), так и девушки (67,0%), хотя, можно заметить большую расположенность к такой форме брака юношей (Тихомиров, 2018). Согласно данным исследования Ю. С. Галынской и В. В. Звягинцева, проведенного в 2020 году, уже 89,7% респондентов имеют достаточно толерантное отношение к сожительству (из них 86,5% респондентов мужского пола, а 91,4% женского). Однако, несмотря на толерантное отношение к данному союзу, не все респонденты готовы в него вступать. Так, только 63,1% респондентов считают допустимой для себя такую форму отношений, из них 59,5% мужского пола, 64,8 женского пола. Таким образом, можно заметить некое противоречие: в целом молодые люди одобряют союз без регистрации брака, но не всегда готовы вступать в такие отношения (Галынская, Звягинцев, 2020).

Внимание к теме семьи и семейным ценностям приводит к достаточно быстрой смене общественного мнения по вопросам сожительства среди молодежи, что, на наш взгляд, является быстрым откликом на целенаправленное воздействие институтов социализации. Согласно результатам исследования С. А. Ильиных, проведенного в 2022 году, уже 43,9% респондентов положительно относятся к незарегистрированному браку, а 24,2% респондентов и вовсе осуждают данную форму отношений (Ильиных, 2022). Здесь уже можно говорить о снижении одобряемости данного союза среди молодежи.

В других исследованиях мы также видим сопоставимые цифры. Так, рассматривая гендерный аспект восприятия сожительства можно обратиться к результатам исследования коллектива авторов З. Х. Коблевой, И. А. Каратабан, Н. К. Губжоковой (2022 год) и отметить, что 56% юношей и 38% девушек одобряют совместное проживание без регистрации брака в качестве модели семейно-брачных

отношений. Традиционную форму отношений поддерживают 31% мужчин и 43% женщин. То есть, неофициальный брак, по-прежнему, в большей степени одобряют мужчины, чем женщины (Коблева, Каратабан, Губжокова, 2022).

Весомая часть российских исследований, которые можно отнести к теме изучения матримониальных стратегий, посвящена темам отношения молодежи к браку и ее мотивации для вступления в брак. Обратим внимание на исследование, посвященное факторам устойчивости брака, данные о котором были представлены ВЦИОМом 15 декабря 2022 г. Факторы оценивались по 7-балльной шкале¹. Наиболее значимым фактором устойчивости брака являются хорошие отношения в семье (6,7 баллов), здоровье близких (6,3), собственное жилье (6,0), семейный досуг (5,8), достойный доход (5,6), культурное, личностное развитие членов семьи (5,6), бытовой комфорт (5,1).

Важной характеристикой матримониальных стратегий, характеризующей в том числе и определенные поколенческие аспекты матримониальных установок, является *брачный возраст для молодежи*. Данные жизненных планов молодежи отражают сопоставимы с данными демографической статистики и показывают негативную, с точки зрения «эффективных» национальных матримониальных стратегий, динамику, связанную с увеличением желаемого возраста вступления в брак. Результаты исследования, проведенные ВЦИОМ в 2022 г., свидетельствующие о том, что наиболее оптимальным возрастом вступления в брак для мужчины россияне считают 28 лет, а для женщин – 24 года. В 2017 году результаты опроса россиян

показывали, что для мужчин оптимальный возраст вступления в брак составляет 27 лет, а для женщины – 23 года². Но это общероссийские исследования, включающие в выборку все населения. В отношении матримониальных установок молодежи все видится более динамично. Так, исследования И. В. Малимонова, Л. Г. Король, И. Г. Синьковской, Д. В. Рахинского, проведенные в 2015 году, свидетельствуют о том, что абсолютное большинство молодых респондентов считали оптимальным временем для вступления в брачные отношения и для мужчин, и для женщин возраст от 24 до 27 лет (Малимонов, Король, Синьковская, Рахинский, 2015). По результатам исследований 2018 года, проведенных Е. Н. Касаркиной, Т. В. Соловьевой, Д. А. Бистяйкиной, 56,0% молодежи считают оптимальным возрастом вступления в брак 23-27 лет, 23,7% считают, что вступление в брак наиболее удачно в 28-32 г. (Касаркина, Бистяйкина, Соловьева, 2018). Исследования И. Н. Богдановой и Я. В. Артамоновой 2022 года показали, что 50,0% респондентов считают наиболее подходящим возрастом для вступления в брак 25-29 лет. Анализируя гендерную специфику, можно отметить, что наиболее предпочитаемый возраст для мужчин 25-29 лет (52%), а для женщин 20-24 лет (44,0%) и 25-29 лет (46,0%) (Богданова, Артамонова, 2022). Согласно результатам исследования 2023 года, проведенного авторским коллективом Л. А. Журавлевой, Е. В. Зарубиной и др., одобряемый возраст вступления в брак для 90,0% опрошенных является период от 25 до 28 лет (Журавлева, Зарубина, Ручкин, Симачкова, Чупина, 2023). Если сравнивать показатель брачного возраста с исследованиями более раннего периода, можно отследить медленное, но устойчивое повышение брачного возраста, что находит

¹ Дела семейные. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye> (дата обращения: 09.05.2024).

² Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели. URL:

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 09.05.2024).

свое подтверждение в демографической статистике.

Развод, как социальный институт матримониальных отношений, несмотря на то, что отражает деструктивный вариант матримониальных стратегий, подтверждает свою значимость в данных демографической статистике, формируя демографическую и социальную проблему, связанную с рождаемостью, воспроизводством матримониальных отношений, качеством жизни населения и качеством национального человеческого капитала.

Проблема развода для молодежи очевидна, она отражается в динамических

закономерностях статистических показателей относительно возрастных групп (Таблица 3). Исходя из данных Таблицы 3 видно, как скачкообразно увеличивается количество молодых людей, прошедших через институт развода. Так, если в возрасте 20-24 года их 4 077, то к возрасту 30-34 их уже 763 316. На самом деле, стоит в этом отношении обратить внимание и на следующую после количества разводов графу – отражающую количество разошедшихся, по сути, «предразводное» состояние, и тогда в максимуме количество распавшихся браков к 30-34 летнему возрасту можно считать вышедшим за пределы 1 млн.

Таблица 3
Статистика населения по состоянию в браке в зависимости от возраста⁴

Table 3

Population statistics by marital status depending on age

Возрастные группы / Age groups	Всего / Total	Указавшие состояние в браке / Those who indicated their marital status	в том числе /						
			состоящие в браке / married	из них /		никогда не состоявшие в браке, супружеском союзе / never married, never in a marital union	разведенные официально / officially divorced	Разошедшиеся / Dispersed	Вдовы / Widows
				в зарегистрированном браке / in a registered marriage	в незарегистрированном супружеском союзе / in an unregistered marriage				
Среднее / Average	122 471 998	103 614 283	60 061 374	54 636 550	5 424 824	19 634 477	9 192 936	3 013 078	11 712 418
16 – 17	3 005 487	2 359 448	22 150	13 985	8 165	2 333 075	1 700	2 471	52
18 – 19	3 093 127	2 460 387	112 570	66 063	46 507	2 336 332	4 077	6 083	1 325

⁴ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году.

URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 25.04.2024).

20 – 24	7 750 398	6 070 787	1 426 016	1 085 220	340 796	4 510 708	67 201	58 640	8 222
25 – 29	7 983 625	6 545 664	3 461 914	2 966 920	494 994	2 660 882	271 361	134 401	17 106
30 – 34	12 156 975	10 118 843	6 783 924	6 047 350	736 574	2 206 621	763 316	314 167	50 815

Матримониальная стратегия, связанная с разводом, формируется, в том числе, и на основе матримониальных установок, ценностей и мотивов, связанных с сохранением брака. Стоит отметить тот факт, что есть определенная динамика в смене таких установок. Так, если в исследовании 2013 года Н. Н. Саяшиной и А. А. Тюкиной основными причинами разводов с позиции молодежи являлись отсутствие взаимопонимания (41,0%), измена (34,0%), неумение партнеров идти на компромисс (19,0%) (Саяшина, Тюкина, 2013), то исследования Н. Ф. Диановой и В. Р. Тлемешок в 2015 году показали, что первоочередными причинами развода, по мнению молодежи, являются измена, предательство, материальные трудности, насилие, несходство характеров, наличие вредных привычек (Дианова, Тлемешок, 2015). А результаты исследования 2017 года Е. В. Каргаполовой и И. В. Лашук свидетельствуют о том, что 52,0% молодежи считают основной причиной развода измену и неуважение партнеров, 25,5% полагают, что такой причиной может стать злоупотребление алкоголем, 23,4% уверены в том, что причина развода заключается в предпочтении карьеры в ущерб семье, 22,2% видят причину в отсутствии финансовых средств (Каргаполова, Лашук, 2017). Результаты исследования Т. И. Куликовой, проведенного в 2018 году, показывают, что молодые супруги чаще всего в качестве причин называют следующие факторы: несоответствие характеров и взглядов

(57,0%), жилищные проблемы (35,0%), низкий уровень дохода и безработица (30,0%), злоупотребление алкоголем (17,0%), неверность одного из супругов (9,0%) (Куликова, 2018).

Анализируя данные исследования 2019 года коллектива авторов Е. В. Романовой и Н. А. Хвалиной, выделяются следующие факторы распада семьи: 36,1% – финансовые трудности, 28,5% – насилие, 17,9% – пагубные привычки (Романова, Хвалина, 2019). Также в 2019 году было проведено исследование другими учеными, А. Ю. Маленовой и Д. Н. Стойко, которые описали гендерную специфику основных причин развода, по мнению молодежи. Данные их исследования свидетельствуют о том, что измена партнера – самая «уважительная» причина развода как среди юношей (83,0%), так и среди девушек (73,0%). Однако далее позиция по причинам развода отличается в зависимости от пола. Для девушек основными причинами развода являются ранний возраст вступления в брак (63,3%), несовместимость с партнером (50,0%), финансовые трудности (33,3%) и вмешательство родственников (33,3%). Для юношей основными причинами развода являются финансовые проблемы (53,3%), ранний брак (43,3%), вмешательство родственников (43,3%), также респонденты мужского пола выделяют в качестве причины развода проблемы в сексуальной сфере (33%) (Маленова, Стойко, 2019).

В своем исследовании, проведенном в 2020 году, С. В. Гузенина и И. С. Кулакова, на основании социологического анализа, выделяют проблемы личностно-психологического характера, например, склонность к насилию и скандалам (27,3%), алкогольная, наркотическая, игровая зависимость у супруга (22,9%), измена, флирт на стороне (22,6%), бытовые причины, например, проживание с родителями (12,9%) (Гузенина, Кулакова, 2020).

По нашему мнению, в установках появляется большая конкретизация причин, связанных, прежде всего, с недостойным поведением партнера, в то время как неконкретные, эмоциональные, не измеримые причины уходят из числа важных и основных.

Одним из важнейших показателей матримониального поведения и результатом матримониальных стратегий молодежи является *репродуктивное поведение*, формируемое на основе *репродуктивных установок*, под которым понимают систему последовательных реальных или возможных действий, направленных на принятие решений

относительно рождения определенного числа детей либо отказ от деторождения. Молодежь является главным субъектом общественного воспроизводства, так как именно в данной возрастной группе в основном, сконцентрирован репродуктивный потенциал социума. Говоря о репродуктивном потенциале социума, отметим, что под *репродуктивным потенциалом молодежи* понимается уровень физического и психического состояния молодежи, который позволяет при достижении социальной зрелости воспроизводить здоровое потомство (Ростовская, 2015).

Безусловно, репродуктивное поведение определяется многими факторами, например, удовлетворенностью браком, его стабильностью, достаточным доходом и рядом других. И, одновременно, оно приводит к определенным результатам, желание достижения которых становится мотивами репродуктивного поведения. Причем, приоритетность данных мотивов сохраняется и для мужчин, и для женщин, что становится очевидным на данных статистике выборочного наблюдения Росстата в 2022 году (Таблица 4).

Таблица 4

Оценка возможного влияния появления еще одного ребенка на различные аспекты жизнедеятельности (однодетные) (%)⁵

Table 4

Assessment of the possible impact of having another child on various aspects of life (one-child families) (%)

Если бы в Вашей семье появился еще один ребенок, то, как, на Ваш взгляд, это повлияло бы на: / If another child were to appear in your family, how do you think it would affect	помогло / it helped	не повлияло / did not affect	помешало / interfered	трудно сказать / it's hard to say
Женщины / Women				
Получение более высоких Ваших личных доходов / Getting higher personal income	4,92	3,42	26,53	5,13
Повышение благосостояния Вашей семьи / Increasing the well-being of your family	21,87	47,67	25,60	4,86
Сохранение хороших жилищных условий или их улучшение / Maintaining or improving good living conditions	26,68	52,82	15,06	5,44

⁵ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html. (дата обращения: 09.05.2024).

Ваш профессиональный рост / Your professional growth	6,95	67,34	21,52	4,19
Общение с друзьями / Chatting with friends	7,55	68,96	20,08	3,40
Сохранение хорошего здоровья / Maintaining good health	11,75	64,77	16,38	7,11
Укрепление брака / Strengthening Marriage	40,37	48,01	5,56	6,07
Интересный, полноценный отдых / Interesting, full-fledged holiday	12,30	56,99	26,06	4,64
Уважение со стороны родственников, окружающих / Respect from relatives and others	22,83	68,14	3,67	5,36
Мужчины / Men				
Получение более высоких Ваших личных доходов / Getting higher personal income	13,71	62,05	18,53	5,71
Повышение благосостояния Вашей семьи / Increasing the well-being of your family	21,08	52,49	20,85	5,58
Сохранение хороших жилищных условий или их улучшение / Maintaining or improving good living conditions	25,87	55,75	12,93	5,45
Ваш профессиональный рост / Your professional growth	6,99	79,22	9,13	4,66
Общение с друзьями / Chatting with friends	5,46	70,93	20,96	2,64
Сохранение хорошего здоровья / Maintaining good health	9,91	73,17	12,15	4,78
Укрепление брака / Strengthening Marriage	43,38	48,07	3,92	4,63
Интересный, полноценный отдых / Interesting, full-fledged holiday	13,42	58,01	24,48	4,10
Уважение со стороны родственников, окружающих / Respect from relatives and others	23,85	67,12	3,77	5,26

Если дополнить представленную информацию данными факторной модели принятия решения о рождении ребенка (основных условиях и барьерах) полученных в мониторинге «Социальные стратегии молодежи» в 2023 году (Белгородская область), то можно сказать, что главными факторами молодежь обозначила финансовое благополучие (54,5%), состояние здоровья (51,6%), желание супругов (46,7%). «Антифакторами», барьерами в положительном решении о рождении ребенка стали желание пожить для себя (61,5%), приоритет построения карьеры

(51,0%), психологическая неготовность к рождению детей (50,3%). Интересно обратить внимание не только на главные, но и на важные факторы, которые указывает молодежи (их выбирают от 40 до 30% молодежи) – они подчеркивают ответственность государства за создание необходимых условий для принятия такого важного решения в жизни каждого молодого человека – это политическая ситуация в стране (о важности такого фактора говорят 42,7%), экономическая ситуация в стране (36,4%), отсутствие отдельного жилья (31,5%).

В рассмотрении динамики репродуктивных установок молодежи, интересное исследование репродуктивного потенциала молодежи Вологодской области было проведено в 2017 г. О. Н. Калачикова и А. В. Короленко, которые посредством «дерева принятия решений» построили идеальные и реальные модели репродуктивного поведения (Калачикова, Короленко, 2017). В основе метода дерева решений лежит схематическое построение последовательного процесса принятия решений в зависимости от определенных условий. В качестве «веток дерева» («узлов») принимались решения респондентов относительно действий матримониально-репродуктивного характера. Идеальные (гипотетические) модели предполагают возможные действия индивидов, основанные на суждениях относительно брачных предпочтений, допустимости рождения детей. Реальные модели характеризуют фактические действия индивидов, например, проживание в браке: легитимном или незарегистрированном, числа прерываний беременности и пр. Результаты исследования показали, что наиболее распространенной является модель, при которой респонденты отдают предпочтение официальной регистрации брака, лояльно относящихся к абортам и малому количеству детей (21,0%). Наиболее популярной реальной моделью матримониального поведения в контексте репродуктивных установок оказалась модель, включающая представителей, которые состоят в официальном браке, никогда не делали аборт, имеют 1-2 детей. Существенное количество респондентов относилось к модели, для представителей которой также характерен официальный брак, наличие 1-2 детей и одно либо более искусственное прерывание беременности.

Также, исследование Д. А. Тихомирова, проведенное им в 2017 году, показало, что 43,3% опрошенной молодежи ориентировано на одного ребенка, 41,2% –

на двух детей, 15,5% – затруднились ответить. По мнению большинства респондентов (74,0%), рождение детей должно происходить только в зарегистрированном браке, причем такая позиция, преимущественно, характерна для женщин (Тихомиров, 2018). Исследование Т. А. Гурко (2018) характеризует репродуктивные планы молодежи следующим образом: большая часть мужчин (51,0%) так и женщин (48,0%) ориентированы на двоих детей. При этом идею о трех и более детей также поддерживают немало респондентов – 26,0% мужчин и 34,0% женщин (Гурко, 2019).

Результаты исследования, проведенного О. В. Устиновой в 2022 году, отмечают возрастную динамику в области желаемого количества детей. Так для студенческой молодежи (возрастной интервал 18-24 лет) характерна ориентация на одного ребенка. 55,0% респондентов из этой группы «идеальным количеством детей» считают одного, 18,0% – двоих, 14,0% – троих. Однако, уже для работающей молодежи (возрастной интервал 25-34 года) характерна ориентация уже на двоих детей (41,0%), хотя есть и значительное предпочтение одного ребенка (30,0%). Идею о многодетной семье поддерживают лишь 22,0% (Устинова, 2022).

Согласно исследованию 2023 года, проведенному С. Н. Немгировой, и у мужчин, и у женщин есть различия между желаемым и ожидаемым количеством детей. Интересным является, что чем старше мужчина, тем большее количество детей он хочет, среди женщин такой тенденции не наблюдается. В более молодом возрасте (18-20 лет) молодые мужчины ориентированы больше на одного ребенка, а в возрасте 21-29 лет уже на двух. Женщины же во всем возрастном периоде (с 18-29 лет) ориентированы в среднем на двоих детей. В целом, как показало данное исследование, 41,3% мужчин планируют иметь двоих детей, 26,4% – троих, 11,1% –

одного, 9,7% – поддерживают бездетность. Что касается женщин, то 41,0% женщин ориентированы на двоих детей, 21,8% – на троих, 16,7% – на одного, 2,6% – ни одного (Немгурова, 2023).

Результаты региональных исследований по Белгородской области, проведенные также в 2023 году, показали, что как обязательный шаг рождение одного ребенка предусматривают для себя 51,4% мужчин и 46,9% женщин, второго ребенка – 36,2% и 26,1%, трех детей – 23,8% и 12,6%, более трех детей – 23,0% и 10,3% – разрыв между мнениями мужчин и женщин по этому вопросу, конечно, впечатляет (стоит подчеркнуть, что исследования 2023 года в принципе показали проблему гендерного рассогласования в матримониальных стратегиях – мужчины строят более эффективные и социально-значимые жизненные планы относительно матримониальной сферы и демонстрируют большую сформированность традиционных установок на семью, нежели женщины). Есть и другие закономерности, которые выявили наши исследования: так, например, сельская молодежь также больше ориентирована на деторождение, чем городская. Но особенно впечатляющим становится отличия в отношении деторождения (как первого, так и последующих детей), которое демонстрируют группы молодежи с разным уровнем достатка (как самой молодежи, так и их семей): так, если более 50% молодежи с высоким экономическим уровнем ориентировано на рождение одного ребенка как обязательный шаг для себя (54,7%), то для молодежи со средним уровнем дохода данный выбор снижается до 45,2%, а для молодежи с низким доходом падает до 33,4%. Таким образом, качество жизни становится барьерным фактором, определяющим жизненное планирование и его результаты в реализации матримониальных стратегий молодежи.

Отдельного внимания заслуживают и репродуктивные установки студентов (в отношении использования такого

демографического потенциала как студенческие семьи) – так, Т. К. Ростовская и Н. С. Рычихина показывают причины, которые не позволяют реализовать этот потенциал в полной мере (трудности в получении хорошего образования, страх начинать семейную жизнь в студенческие годы, вопрос время пребывания ребенка на момент учебы родителей, возникновение серьезных материальных проблем, связанных с рождением ребенка) (Ростовская, Рычихина, 2024). Все это может и должно решаться в общей системе социальной политики нашего государства (если задачи демографического роста населения считать одними из самых важных в современных условиях) (Ростовская, 2024).

Репродуктивное поведение может выражаться и отказом от детей. Добровольная форма бездетности была исследована А. Г. Кисловым и И. В. Шапко, которые посредством анкетирования изучали распространенность феномена «чайлдфри» среди учащейся молодежи, а также степень лояльности к этому явлению (N=550). Авторами была использована шкала Лайкерта, содержащая различные оценочные суждения, подвергшиеся кластерному анализу и позволившим авторам сформировать три категории отношения к феномену «чайлдфри». К первой категории отнесено 24,0% респондентов, высказавшим отрицательное отношение к этому явлению, при этом значимыми ценностями для этой группы молодежи являются семья, здоровье, любовь, дети, хорошая работа. Вторая категория представлена 50,0% респондентов, для которых характерно двойное отношение к этому явлению, они менее категоричны в оценках и избегают крайних оценочных суждений. Для них также значимы такие же ценности, что и для предыдущей группы. Третья категория респондентов (26,0%) лояльно относится к феномену «чайлдфри», при этом авторы указывают на то, что ценности этой группы

респондентов существенно отличаются от первых двух. На первом месте по значимости у данной категории выступает самореализация, а уже потом – любовь, семья, дружба (Кислов, Шапко, 2016).

По прошествии восьми лет мы видим некоторую трансформацию диспозиций и, самое главное, обозначившиеся риски, связанные с достаточно высокой приверженностью молодежи данным идеологиям, что еще раз поднимает вопрос контроля ситуации и поиска превентивных мер, исключающих расширенную коммуникацию по этому вопросу (Таблица 5). 12% молодых респондентов являются приверженцем как идеологии безбрачия,

так и чайлдфри. Еще более четверти опрошенных (безбрачие 26,9% и чайлдфри 29,5%) поддерживают, но не являются приверженцами. В рассмотрении социальных групп некоторое увеличение приверженности данным поведенческим формам наблюдается в отношении небольших городов и снижение в сельских поселениях, в отношении гендера объяснимое повышением приверженности для сознательной безбрачности со стороны мужчин, и однозначное превалирование показатели приверженности для каждой альтернативы в группах учащейся молодежи (19,0% безбрачие и 16,0%) (Благорожева, Шаповалова, 2024).

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос «Поддерживаете ли Вы данные идеологии?»
(Благорожева, Шаповалова, 2024)

Table 5

Respondents' answers to the question "Do you support these ideologies?"

Гендер / Gender		Мужской / Male	Женский / Female	Сравнение со средним показателем / Comparison with the average
Безбрачие / Celibacy				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter		14,7	11,2	12,7
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me		28,7	25,7	26,9
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all		36,9	37	37
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer		19,7	26	23,4
Чайлдфри, добровольная бездетность / Childfree, voluntary childlessness				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter		12	12	12
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me		31,3	28,2	29,5
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all		37,6	36,2	36,8
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer		19,1	23,5	21,7
Тип поселения / Type of settlement	Крупный город – областной центр / A large city is a regional center	Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	Сравнение со средним показателем / Comparison with the average
Безбрачие / Celibacy				

Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	12,4	14,6	11,3	12,7
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	32	23,2	22,4	26,9
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	34,5	39,1	38,8	37
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	21	23,1	27,4	23,4
Чайлдфри, добровольная бездетность / Childfree, voluntary childlessness				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	12,8	13	10,1	12
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	33,5	26,8	25,7	29,5
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	34,6	38,7	38,6	36,8
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	19,1	21,6	25,7	21,7
Статус молодежи / Status of youth	Учащаяся / Schoolchildren	Студенческая / Students	Работающая / Working	Сравнение со средним показателем / Comparison with the average
Безбрачие / Celibacy				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	19	7,7	9,9	12,7
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	30,7	24,8	23,5	26,9
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	27,7	41,6	46,6	37
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	22,6	26	20,1	23,4
Чайлдфри, добровольная бездетность / Childfree, voluntary childlessness				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	16	9,1	9,8	12
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	35,6	26,2	23,5	29,5
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	27,9	40,9	46,8	36,8
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	20,5	23,8	20	21,7

Заключение (Conclusions). Таким образом, анализ эмпирического опыта исследования матримониальных стратегий молодежи позволил еще раз подчеркнуть, что именно молодой возраст является тем периодом, где закладывается ценностно-мотивационный матримониальный комплекс, формируются матримониальные установки, в том числе на основе первичной социализации, пробуются и утверждаются образцы матримониального поведения.

Важнейшим аспектом социологического анализа является вопрос формирования матримониальных установок, ценностей, мотивов, которое происходит под влиянием институтов социализации, социализационных факторов, складывающихся в ситуацию социализации. При этом ведущим институтом социализации в плане формирования будущих матримониальных стратегий молодежи является семья, а разрушение семейных ценностей, разочарование молодежи в традиционных моделях семьи, может привести к трансформации нормативных (желательных) матримониальных стратегий в альтернативные, не всегда социально предпочитаемые формы, что мы и наблюдаем в результате анализа эмпирического опыта социологических исследований.

Осознание кризиса семейных отношений и ценностей, отражающихся в неутешительной демографической статистике, а также в данных полученных эмпирическим путем, должно поставить задачу внесения изменения в национальные смыслы и ориентиры желаемых матримониальных стратегий молодежи.

По итогам анализа эмпирического опыта исследования матримониальных стратегий молодежи можно сделать следующие выводы.

Есть определенная динамика в отношении матримониальных диспозиций, установок и планов молодежи – как правило, она имеет волновой характер, что

мы связываем, прежде всего, со сменой поколений – так, молодежь поколения Z более ориентирована на традиционные семейные ценности и традиционную семью, поэтому более результативно интериоризирует ценностные установки, транслируемые средой. Но нельзя совсем исключать факторы среды и социальной ситуации, которые формируют и новую социализационную повестку, и создают возможности, одновременно устанавливая ограничения на социальные ориентиры молодежи в матримониальной сфере (запрет пропаганды ЛГБТ, чайлдфри и т.д.). Ответственность государства в отношении формирования мер поддержки, развития их отдельных направлений может и должно оказать влияние на формирование важных матримониальных установок, планов и, в итоге, результатов – об этом пишет Т. К. Ростовская, предлагая обратить внимание в том числе на развитие института студенческой семьи, поддержку отцовства (Ростовская, 2024).

Несмотря на это, для молодежи возрастает риск влияния альтернативных матримониальных идеологий (информационная открытость, неоднозначность социнженерных шагов в ограничении данных идеологий), связанных с нарушением естественного хода воспроизводства матримониальных стратегий, что требует дополнительного контроля, а также мер воздействия со стороны социализационных институтов.

Анализируя эмпирические результаты, можно сказать, что все же молодые люди в большей степени ориентированы на вступление в официальный брак, при этом основной мотивацией для вступления в брак чаще всего современная молодежь называет любовь (уходят в сторону практические и меркантильные интересы). Однако, параллельно с этим возрастает и заинтересованность в таком союзе, как сожительство. Примерно половина молодых людей поддерживают данный союз, хотя если оценивать динамику, то к

настоящему времени поддержка данного союза чуть снизилась. Чаще всего молодые люди готовы вступить в данный союз, с целью проверки своих отношений, создать «пробную семью». Не смотря, скорее на традиционные взгляды относительно семьи, большой риск можно наблюдать, связанный с возрастом вступления в брак. Здесь, молодые люди придерживаются мнения, что в брак необходимо вступать после 25 лет, и в этом как раз можно отследить медленное, но устойчивое повышение брачного возраста. Совместно с брачным возрастом повышается и репродуктивный возраст, а также изменяется желаемое количество детей. Молодые люди по-прежнему в большей степени ориентированы на 1-2 детей, что ставит задачи поиска дополнительных мер поддержки и стимулирования прежде всего возникновения установок (желания) иметь детей, но и, конечно, создания соответствующих условий (что является немаловажным для молодежи, по результатам наших исследований). Отдельного внимания заслуживает и выявленный риск, связанный с гендерной трансформацией матримониальных установок.

Список литературы

- Агаджанова Э. Р., Ефимова О. И. К вопросу о семейных ценностях: от античности к современности // Симбирский научный вестник. 2015. № 2 (20). С. 134-139.
- Антонова Н. Л., Щербакова М. В. Брачный выбор: поворот к рационализации. // Дискуссия. 2017. № 8 (82). С.44-47.
- Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39.
- Богданова И. Н., Артамонова Я. В. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях // Caucasian Science Bridge. 2022. № 3 (17). С.74-82.
- Галынская Ю. С., Звягинцев В. В. Стратегическая основа укрепления института семьи в России // Социодинамика. 2020. № 9. С.30-45.
- Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. Восприятие бездетности современной молодежью (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120-132.
- Гузенина С. В., Кулакова И. С. Причины браков и разводов глазами студенческой молодежи г. Тамбова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 3 (80). С. 94-104.
- Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // СНИСП. 2019. № 2 (26). С.65-81.
- Гурко Т. А., Хромачева А. Ю. Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям // Вестник института социологии. 2015. № 4 (15). С. 57-71.
- Дианова Н. Ф., Тлемешок В. Р. Некоторые аспекты проблемы разводов на современном этапе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 54-56.
- Журавлева Л. А., Зарубина Е. В, Ручкин А. В., Симачкова Н. Н, Чупина И. П. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема // Образование и право. 2023. № 11. С.407-413.
- Зернов Д. В., Иудин А. А., Овсянников А. А. Молодежь на обломках СССР (1991-2013 гг.) // Наука и школа. 2015. № 2. С. 121-138.
- Ильиных С. А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка // Caucasian Science Bridge. 2022. № 5 (2). С. 52-59.
- Калачикова О. Н., Короленко А. В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. № 2. С. 110.
- Каргаполова Е. В., Лашук И. В. Семья как ценность современного общества (по итогам социологических исследований в Астраханской области российской федерации и в республике Беларусь) // Социологический альманах. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-sovremennogo-obschestva-po-itogam-sotsiologicheskikh-issledovaniy-v-astrahanskoj-oblasti-rossiyskoy-federatsii-i-v>. (дата обращения: 09.05.2024).
- Карцева Л. В. Отношение жителей Татарстана к семейному образу жизни // Вестник Нижегородского университета

им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 58-66.

Касаркина Е. Н. Семейные ценности современной городской молодежи в ракурсе национальных традиций Мордвы // Управление городом: теория и практика. 2018. № 4 (31). С. 45-50.

Касаркина Е. Н., Бистяйкина Д. А., Соловьева Т. В. Добрачные установки и жизненные планы молодежи: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 6. С. 208-211.

Касаркина Е. Н., Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А. Готовность к браку и семейные ценности современной молодежи // Казанский педагогический журнал. 2018. № 6. С. 208-212.

Кислов А. Г., Шапко И. В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену чайлдфри // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 362.

Коблева З. Х., Каратабан И. А., Губжокова Н. К. Гендерный диссонанс в условиях незарегистрированных брачных отношений в современной молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 31-35.

Куликова Т. И. Причины разводов в молодых семьях // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Материалы V Международной научно-практической конференции. Тула. 2019. С. 4-5.

Маленова А. Ю., Стойко Д. Н. Развод в структуре брачно-семейных установок молодежи // Инновационный потенциал молодежи: культура, духовность и нравственность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 2-6 декабря 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 223-229.

Малимонов И. В., Король Л. Г., Синьковская, И. Г., Рахинский Д. В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 10. С. 202-219.

Немирова С. Н. Гендерные различия в ценностных ориентациях молодежи // Вестник ИКИАТ. 2023. № 46. С. 56-62.

Павлов Б. С., Пронина Е. И., Бердник Л. П., Сарайкин Д. А. Матримониальная социализация тинейджеров в родительской

семье: непреложные задачи и досадные препятствия (по результатам опросов на Урале в 2000-2020 гг.) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2020. № 4. С. 23-39.

Романова Е. В., Хвалина Н. А. Причины распада молодых семей // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Материалы V Международной научно-практической конференции. Тула, 2019. С. 133-134.

Ростовская Т. К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-52. (С. 49).

Ростовская Т. К. Особенности регулирования брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения молодежи в части обеспечения демографической безопасности России // В сборнике: III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Сборник статей форума. Воронеж, 2024. С. 162-166.

Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28, № 1. С. 98-114.

Саяшина Н. Н. Тюкина А. А. Выявление социально-психологических особенностей у юношей и девушек в выборе брачного партнера // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 2. С. 63-71.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Муртузалиев С. И. Особенности брачных, семейных и миграционных намерений современной молодежи российского Кавказа // Социодинамика. 2018. № 11. С. 33-44.

Тихомиров Д. А. Динамика отношения московской молодежи к сожительству (на основе эмпирических исследований 2009-2017 гг.) // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 124.

Тлемешок В. Р., Дианова Н. Ф. Представления современной молодежи о семейно-брачных отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-semeyno-brachnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 09.05.2024).

Устинова О. В. Репродуктивные установки в современном российском обществе // Социология. 2022. № 5. С. 72-79.

Шингаркина Д. А. Изучение представлений современной студенческой молодежи о браке // Вектор науки ТГУ. 2012. № 2 (20). С. 192.

References

Agadzhanova, E. R., Efimova, O. I. (2015), "On the issue of family values: from antiquity to modernity", *Simbirskij nauchnyj vestnik*, (2), 134-139. (In Russian)

Antonova, N. L., Shcherbakova, M. V. (2017), "Marital choice: a turn to rationalization", *Diskussija*, (8), 44-47. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O., Shapovalova, I. S. (2024), "The influence of alternative values and attitudes on matrimonial strategies of young people", *Social'naja politika i sociologija*, 23(2), 30-39. (In Russian)

Bogdanova, I. N., Artamonova, Ya. V. (2022), "Young family as an "elusive" social phenomenon in modern Russian conditions", *Caucasian Science Bridge*, (3), 74-82. (In Russian)

Galynskaya, Yu. S., Zvyagintsev, V. V. (2020), "Strategic basis for strengthening the institution of family in Russia", *Sociodinamika*, (9), 30-45. (In Russian)

Gafizova, N. B., Tsalko, E. O. (2023), "Perception of childlessness by modern youth (regional aspect)", *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, (2), 120-132. (In Russian)

Guzenina, S. V., Kulakova, I. S. (2020), "Causes of marriages and divorces through the eyes of student youth of Tambov", *POISK: Politika. Obshhestvovedenie. Iskustvo. Sociologija. Kul'tura*, (3), 94-104. (In Russian)

Gurko, T. A. (2019), "Students' ideas about parenting and the social roles of men and women", *SNiSP*, (2), 65-81. (In Russian)

Gurko, T. A., Khromacheva, A. Yu. (2015), "Sociology students about family, gender and attitudes towards parents", *Vestnik instituta sociologii*, (4), 57-71. (In Russian)

Dianova, N. F., Tlemeshok, V. R. (2015), "Some aspects of the divorce problem at the present stage", *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*, (11), 54-56. (In Russian)

Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Ruchkin, A. V., Simachkova, N. N., Chupina, I. P. (2023), "Formation of the demographic culture of youth as a social problem", *Obrazovanie i pravo*, (11), 407-413. (In Russian)

Zernov, D. V., Iudin, A. A., Ovsyannikov, A. A. (2015), "Youth on the ruins of the USSR (1991-2013)", *Nauka i shkola*, (2), 121-138. (In Russian)

Ilyinykh, S. A. (2022), "Values of marriage, parenthood, kinship: meanings and interpretation", *Caucasian Science Bridge*, (5), 52-59. (In Russian)

Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V. (2018), "Models of reproductive behavior of the population (based on the materials of the Vologda region)", *Narodonaselenie*, (2) 110. (In Russian)

Kargapolova, E. V., Lashuk, I. V. (2017), "Family as a value of modern society (based on the results of sociological research in the Astrakhan region of the Russian Federation and in the Republic of Belarus)", *Sociologicheskij al'manah*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-sovremennogo-obschestva-po-itogam-sotsiologicheskikh-issledovaniy-v-astrahanskoj-oblasti-rossiyskoy-federatsii-i-v>. (Accessed 09 May 2024). (In Russian)

Kartseva, L. V. (2018), "Attitude of residents of Tatarstan to family lifestyle", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki*, (2), 58-66. (In Russian)

Kasarkina, E. N. (2018), "Family Values of Modern Urban Youth in the Light of Mordvin National Traditions", *Upravlenie gorodom: teorija i praktika*, (4), 45-50. (In Russian)

Kasarkina, E. N., Bistiaykina, D. A., Solovieva, T. V. (2018), "Premarital Attitudes and Life Plans of Young People: Sociological Analysis", *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, (6), 208-211. (In Russian)

Kasarkina, E. N., Solovieva, T. V., Bistiaykina, D. A. (2018), "Readiness for Marriage and Family Values of Modern Youth", *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, (6), 208-212. (In Russian)

Kislov, A. G., Shapko, I. V. (2016), "Attitude of Student Youth of the Sverdlovsk Region to the Childfree Phenomenon", *Nauchnyj dialog*, (2), 362. (In Russian)

Kobleva, Z. Kh., Karataban, I. A., Gubzhokova, N. K. (2022), "Gender dissonance in the context of unregistered marriages among modern youth", *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, (6), 31-35. (In Russian)

Kulikova, T. I. (2019), "Causes of divorce in young families", *Sociokul'turnye i psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i:*

aktual'nye voprosy soprovozhdenija i podderzhki [Socio-cultural and psychological problems of the modern family: topical issues of support and support], materials of the V International Scientific and Practical Conference], Tula, Russia, 4-5. (In Russian)

Malénova, A. Yu., Stoyko, D. N. (2019), "Divorce in the structure of marital and family attitudes of young people", *Innovacionnyj potencial molodezhi: kul'tura, duhovnost' i npravstvennost': materialy Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii (Ekaterinburg, 2-6 dekabrja 2019 g.)* [The innovative potential of youth: culture, spirituality and morality], materials of the International Youth Research Conference (Yekaterinburg, December 2-6, 2019)], Ekaterinburg, Russia, 223-229. (In Russian)

Malimonov, I. V., Korol, L. G., Sinkovskaya, I. G., Rakhinsky, D. V. (2015), "The problem of marital behavior of student youth", *Russian Journal of Education and Psychology*, (10), 202-219. (In Russian)

Nemgirova, S. N. (2023), "Gender differences in value orientations of young people", *Vestnik IKIAT*, (46), 56-62. (In Russian)

Pavlov, B. S., Pronina, E. I., Berdnik, L. P., Saraikin, D. A. (2020), "Matrimonial socialization of teenagers in the parental family: immutable tasks and annoying obstacles (based on the results of surveys in the Urals in 2000-2020)", *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region*, (4), 23-39. (In Russian)

Romanova, E. V., Khvalina, N. A. (2019), "Reasons for the breakup of young families", *Sociokul'turnye i psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i: aktual'nye voprosy soprovozhdenija i podderzhki* [Socio-cultural and psychological problems of the modern family: topical issues of support and support], materials of the V International Scientific and Practical Conference], Tula, 133-134. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2015), "Features of the matrimonial behavior of Russian youth", *Chelovek v mire kul'tury*, (3), 46-52. (P. 49). (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2024), "Features of regulation of marital, reproductive and self-preservation behavior of young people in terms of ensuring demographic security of Russia", *III-j Mezhdunarodnyj demograficheskij forum «Demografija i global'nye vyzovy* [The III International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"], collection of forum articles, Voronezh, Russia, 162-166. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S. "Reproductive attitudes of Russian students: regional aspect", *Problemy razvitija territorii*, 28 (1), 98-114. (In Russian)

Sayashina, N. N. Tyukina, A. A. (2013), "Identification of socio-psychological characteristics of young men and women in choosing a marriage partner", *Russian Journal of Education and Psychology*, (2), 63-71. (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Murtuzaliev, S. I. (2018), "Features of marriage, family and migration intentions of modern youth of the Russian Caucasus", *Sociodinamika*, (11), 33-44. (In Russian)

Tikhomirov, D. A. (2018), "Dynamics of the attitude of Moscow youth to cohabitation (based on empirical studies of 2009-2017)", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3), 124. (In Russian)

Tlemeshok, V. R., Dianova, N. F. (2015), "Ideas of modern youth about family and marital relations", *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, (6-1), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-sovremennoj-molodezhi-o-semeyno-brachnyh-otnosheniyah> (Accessed 09 May 2024). (In Russian)

Ustinova, O. V. (2022), "Reproductive attitudes in modern Russian society", *Sociologija*, (5), 72-79. (In Russian)

Shingarkina, D. A. (2012), "Study of ideas of modern student youth about marriage", *Vektor nauki TGU*, (2), 192. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2024 г. Поступила после доработки 17 декабря 2024 г. Принята к печати 20 декабря 2024 г. Received 10 November 2024. Revised 17 December 2024. Accepted 20 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, doctor of sociology, professor, head of the department of sociology and work with youth of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.